

УДК 821.161.1

А.Г. УСПЕНСКАЯ

(aleen.uspenskaya@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**МИФОЛОГЕМА СОБАКИ В ПОВЕСТИ М.А. БУЛГАКОВА «СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ»
(рациональный и эмоциональный аспекты)***

Рассматривается двойственная природа и характерные черты образа собаки в фольклорном и религиозном контекстах, культурно-исторический генезис образа в повести М.А. Булгакова «Собачье сердце», его эмоциональный и рациональный аспекты.

Ключевые слова: мифологема, М.А. Булгаков, «Собачье сердце», образ собаки, фольклор, христианство, рациональное, эмоциональное.

Творчество М.А. Булгакова не укладывается в рамки одной эпохи или одного народа. Образы, выбранные им для создания современной ему действительности, находят свое отражение за «тысячи лет до и после». «Булгаковское художественное мышление “архетипично”, т. е. всегда направлено на демонстративное соположение знаков различных культурных эпох, совмещение культурных кодов» [7, с. 27]. Образ собаки, выбранный автором для создания злободневной повести «Собачье сердце», имеет фольклорно-мифологическую окраску.

Этот образ находит широкое отражение как в славянской, так и в мировой культуре. Собака является особым проводником, которому подвластно проходить сквозь тонкие границы миров, видеть то, что скрыто от человеческих глаз. Именно поэтому образу собаки придается такое всемирно-космическое значение. Используя фантастическую тематику, автор «Собачьего сердца» раскрывает острые проблемы человечества в целом. Не случайно Булгаков выбрал в качестве одного из своих главных героев именно собаку, т. к. только этот образ мог в полной мере отразить те мистические и религиозные смыслы, на которые покушается «светило мировой науки» профессор Преображенский, решив поставить себя на одну ступень с Богом.

Став персонажем множества художественных произведений, образ пса претерпевает самые различные метаморфозы, происходящие по воле автора или в связи с требованиями эпохи. Но, тем не менее, семантический ореол, веками создаваемый вокруг пса, не теряет своих характерных черт. Ниже будут рассмотрены наиболее яркие особенности образа собаки в культурах народов мира.

«В мифологическом осмыслении собака – это хтоническое животное, обычно упоминаемое в старших памятниках в связи с мотивами земли и загробного мира» [4, с. 196]. Инфернальная сущность собаки напрямую отражается в мифологии. Стоит вспомнить греческого пса Цербера, стража подземного царства с тремя головами. Профессор Преображенский, посягнувший на священные владения Аида, натывается на грозного стражника и случайно призывает его в свой мир, где демон несет гибель всему живому за вторжение в святилище. При этом видение, посещающее Шарика перед роковой операцией, носит мифологический, но не лишенный сатиры оттенок: «...посреди смотровой представилось озеро, а на нем в лодках очень веселые загробные небывалые розовые псы» [1, с. 399]. Таким образом, «роскошная квартира, помещающаяся в бельэтаже», является отражением реки мертвых Стикс, а профессор Преображенский – Харон XX в., спасающий Шарика от мучительной смерти на улице, дающий ему жизнь человека и снова возвращающий его к жизни в теле собаки.

Самый обыкновенный бродячий пес Шарик также может являться проекцией чудовищного скандинавского пса Гарма, несущего в мир стихийные бедствия и разруху. Потоп, устроенный «новожденным» Шариковым в квартире Преображенского, «символизирует наступление “первозданно-

* Работа выполнена под руководством Гольденберга Аркадия Хаимовича, доктора филологических наук, профессора кафедры литературы и методики ее преподавания ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

го хаоса”, стремящегося подавить “космос” устоявшегося бытия» [7, с. 205]. Это событие, несмотря на весьма карикатурное изображение, является олицетворением тех страшных сил, выпущенных неосторожностью человека в мир. Профессор же, подобно богу Тору, принимает решение уничтожить чудовище, дабы спасти окружающих. У Булгакова «уничтожение» носит более метафоричный характер – Преображенский всего лишь возвращает Шарикову его первоначальный облик.

Мистическая подоплека образа Шарика проявляется уже на первых страницах произведения. «У-у-у-у-у-у-гу-гу-гугу-уу!» – вой раненого пса является своеобразным вступительным аккордом, аранжирующим подзаголовок «Чудовищная история» и предвещающим те необыкновенные события, которые случатся в скором будущем. Приводимая в словаре В.И. Даля поговорка «Собачий вой – на вечный покой!» у Булгакова трактуется иронично. Шарик идет за Преображенским, думая, что найдет у него приют и покой, но на самом деле за мнимой добротой профессора скрывается его желание сделать пса жертвой смелого эксперимента. Столь же неожиданно Булгаков наделяет Шарика поистине человеческим разумом. То, насколько информированным оказывается пес-«рассказчик» в людских делах, заставляет задуматься: а действительно ли Шарик – самый обыкновенный бродячий пес? Возможно ли, чтобы в нем тесно переплелись демоническое и божественное начала? Стоит отметить, что «одна из наиболее устойчивых особенностей образа собаки заключена в его неизменной амбивалентности: он может быть знаком высокого и низменного, атрибутом нечистой силы и святого» [5, с. 163]. Если рассматривать мифологему собаки на примере «Собачьего сердца», можно выделить два подхода к ее интерпретации: фольклорный и религиозный.

В различных этнокультурных традициях символика животных составляет особую мифологическую картину мира. Образ того или иного животного напрямую связан с народными приметами, болезнями, явлениями природы, стихийными бедствиями, обрядами, демоническими сущностями и т. д. В религиозных концепциях также играют немаловажную роль семантические коннотации, закрепленные за определенной сущностью животного. Очень часто фольклорное и религиозное восприятие одного и того же животного кардинально разнятся. «Мифологические, фольклорные реминисценции в произведениях Булгакова противостоят библейским как “языческие” – “христианским”, но при этом слиты с ними в неразрывное “метакультурное” единство» [7, с. 54].

В повести «Собачье сердце» двусторонняя природа образа Шарика имеет как фольклорные, так и библейские корни. В фольклорных сюжетах прослеживается особая связь между волком и собакой: они могут быть как тождественны, так и находиться в антагонистических отношениях. Чаще всего волк олицетворяет враждебность и злобу по отношению к окружающему миру, а собака – символ домашнего уюта и преданности. Таков эмоциональный фон образов волка и собаки в фольклоре. Именно это различие отражено в Шарике – его «волчья» натура просыпается только после «вочеловечивания». Тем самым мы видим пару: собака/волк – Шарик/Шариков. Волчья сущность вырывается на свободу, когда Шарика замещает Шариков – «человекоподобное, но асоциальное существо с явственными inferнальными коннотациями, наиболее адекватной формой деятельности для которого является убийство» [6, с. 13]. При рассмотрении фольклорных сюжетов о волке можно выявить те характерные черты, которые отражены в булгаковском герое.

Заголовок повести актуализирует переносное значение слова «собачий», восходящее к общеевропейским мифологическим представлениям о Псе, стремящемся разрушить строй мироздания. Во многих фольклорных преданиях и легендах отражена тесная связь волка (пса) и дьявола. В славянской мифологии бытует сюжет о том, что волк был сотворен дьяволом против Бога. Но жизнь в волка вдохнул именно Бог – у черта не получилось оживить сотворенное им существо. Аллюзию на этот сюжет, не лишённую оттенка иронии, мы видим у Булгакова. Не случайно, что железы заядлого пьяницы, вора и дебошира Клима Чугункина были пересажены псу Шарикку руками профессора Преображенского, считавшегося Богом в сфере медицины. Но они вдохнули жизнь в «человеческого черта». Шариков принимает сторону Швондера, антагониста Преображенского, символического воплощения дьявола,

всячески пытающегося испортить жизнь Преображенскому-Богу. Следовательно, демоническая сущность волка в полной мере проявилась в «новорожденном» Шарикове.

По легенде, дьявол наделил волка способностью к оборотничеству и сделал его своим слугой. Только волк смог бы перейти из одного мира в другой и даже не один раз. Метаморфозы, происходящие с Шариком, носят исключительно отрицательный характер. Перевоплотившись в человека, он поступает на службу к Швондеру, становится его верным соратником. Покровитель Шарикова жалует ему должность «заведующего подотделом очистки города Москвы от бродячих животных» [1, с. 442], что в контексте произведения носит эвфемистический смысл. Тем самым образы Шарика/Шарикова рационализируются, поскольку становятся объектами не только медицинского, но и социального эксперимента.

Очень часто между образами пса и черта ставят знак равенства. Достаточно вспомнить поговорку: «Будь хоть пес (хоть черт), лишь бы яйца нес». Семантика нечистой силы напрямую отражена в коннотациях образа пса. В восклицании Шарикова «Ни пса не видно!» и реплики профессора Преображенского «Кто ответил пациенту: “Пес его знает?”» слово «пес» употребляется в значении черта. Фольклорная окраска образа пса в повести «Собачье сердце» иллюстрирует те последствия, которые грозят человечеству, если хищника-волка выпустить на свободу и дать ему в руки власть.

Обратимся теперь к религиозной семантике образа собаки в контексте повести. «Христианские мотивы в качестве подсистемы входят у Булгакова и в более широкое ассоциативное поле мифопоэтических аллюзий, включаясь прежде всего в оппозицию “христианство”/“язычество”» [7, с. 135].

В христианстве пес является олицетворением нечистой силы. В религиозном сознании за образом собаки закрепилось устойчивая ассоциация «дьявольской печати». Псами называли врагов, безбожных людей, клеветников. Именно таким аморальным существом в повести изображен Клим Чугункин в ипостаси «собачьего» сердца. «Даже пес Шарик более податлив для “очеловечивания”, нежели Клим Чугункин, обратившийся Шариковым, притом что последний обладает массой “антропоидных” качеств: передвигается на двух ногах, имеет документы, умеет говорить (в том числе сквернословить), играть на балалайке, пить водку и пр.» [6, с. 66].

Значительную роль играют в произведениях писателя библейские и евангельские реминисценции [7, с. 140]. Повесть «Собачье сердце» можно рассматривать как земную интерпретацию библейских образов рая и ада. Вспомним идиллические картины, царившие в доме профессора Преображенского до роковой операции: «...все трюмо в гостиной-приемной между шкафами отражали удачливого красавца-пса» [1, с. 392]. Мир спокойствия и благоденствия разбивается вдребезги с появлением в квартире человека-оборотня Шарикова: «Нечистая сила шарахнула по обоям в коридоре, направляясь к смотровой, там чем-то грохнула и мгновенно пролетела обратно» [Там же, с. 420]. С помощью «зеркального» отражения жизни Шарика и окружающих до и после операции Булгаков показывает, насколько решение человека влияет на его дальнейшую судьбу. «“Жрец” Преображенский случайно вызвал из потустороннего мира демона, ангела смерти, угрожающего гибелью не только самому профессору, но и всем окружающим, в том числе “духовному отцу” Шарикова Швондеру» [6, с. 13]. Чистилище же олицетворяют операция и реабилитация после нее. Известно, что туда попадают существа с демонической сущностью, которым нет места ни в раю, ни в аду. Весьма символично, что как раз после пребывания в чистилище на свет появляется Антихрист-Шариков. Почему же Антихрист?

Как только Шарик приобретает все более человеческий облик, начинают происходить события, напрямую противоречащие христианской догматике. Первое слово, произнесенное им после операции «Абырвалг» – «Главрыба» наоборот. Рыба – один из символов христианства, фигурирующих в Библии. В искажении же это слово показывает отречение Шарикова от Бога и его превращение в антихриста. Время, по которому движется повествование, тоже выбрано не случайно – Булгаков использует хронологические рамки церковного календаря. В пародийной форме он сравнивает метаморфозы Шарика с воскрешением Иисуса Христа. Эксперимент Преображенского развивается в период с

23 декабря (операция) по 7 января (окончательное очеловечивание). Только вместо Христа рождается антихрист – полуязыческое существо (на такую природу Шарикова указывает временной отрезок, выбранный Булгаковым для рождения демонического существа: 23 декабря – католическое Рождество, 7 января – православное).

Таким образом, религиозная «репутация» собаки полностью оправдана – пес становится антихристом, несущим ад на земле и пытающимся выжить своего создателя. И только признание своих ошибок Преображенским, его деятельное покаяние (возвращение Шарика в его изначальный облик) помогают избавить мир от демонического существа.

Тщательно отбирая те черты, которые он хотел видеть в своем герое, Булгаков приблизил образ Шарика к фольклорной демонологии, наделив его следующими коннотациями: хтоничность, связь с миром мертвых; «полярная» животная природа героя – злоба и враждебность (волк)/домашний уют и преданность (собака); оборотничество; мотив несправедливо гонимого. Одновременно писатель придал образу эсхатологическое звучание за счет библейских реминисценций: существование в четырех «мирах» – земная жизнь, рай, чистилище, ад; наделение чертами антихриста. Мифологизация образа позволяет не только усилить его эмоциональный заряд, но и дает ключ к прочтению повести как предупреждения об опасности для общества идеи «переделки человека», ставшего после Октября жертвой чудовищного социального эксперимента.

Литература

1. Булгаков М.А. Собрание сочинений. Мастер и Маргарита. Собачье сердце. М., 2007.
2. Галинская И.Л. Наследие Михаила Булгакова в современных толкованиях. М., 2003.
3. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
4. Смирнов И.П. Место «мифопоэтического» подхода к литературному произведению среди других толкований текста (о стихотворении Маяковского «Вот так я сделался собакой») // Миф – фольклор – литература. Л., 1978. С. 186–204.
5. Тропкина Н.Е. Образный строй русской поэзии 1917–1921 гг. Волгоград., 1998.
6. Яблоков Е.А. Хор солистов. СПб., 2014.
7. Яблоков Е.А. Художественный мир Михаила Булгакова. М., 2001.

ALINA USPENSKAYA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

DOG'S MYTHOLOGEME IN THE M.A. BULGAKOV'S NOVEL «DOG HEART» (rational and emotional aspects)

We consider the dual nature and characteristic features of the dog's image in the folklore and religious context, the cultural and historical genesis of the image in the M.A. Bulgakov's novel «Dog Heart», its emotional and rational aspects. from the point of view of its cultural genesis.

Key words: mythologeme, M.A. Bulgakov, «Dog's heart», dog's image, folklore, christianity, emotional, rational.